

ПИРАТЫ, ГУСАРЫ И АДСКИЕ ВАМПИРЫ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ АВГУСТА

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ЖАУМЕ НАБРЕ, «ТЕНЬ ЕВНУХА» («ИНОСТРАНКА»)

Наталонский писатель Жауме Набре приобрел широкую известность с романом «Я исповедуюсь», главным героем в которой стала скрипка Виал, связавшая множество сюжетных линий романа. Книга «Тень евнуха» построена столь же сложно и столь же драматично. Набре умеет захватывать с первых страниц. Девушка, отношения с которой поначалу остаются непроясненными, приглашает героя поужинать в новый ресторан в соседнем городке. Когда они приезжают, герой с волнением обнаруживает, что ресторан открыт в его родовом гнезде, бывшем доме его семьи, а потому все мелочи и интерьерные решения, что приводят в восторг посетителей, ему кажутся неуместными и безвкусными. По сути, как в «Я исповедуюсь» подлинным главным героем была скрипка, так в этом романе это дом. Все тайны прошлого, что будут раскрыты читателю, так или иначе связаны с ним, это история о гибели одного семейства, подобно манновским «Будденбронам», портрет семьи на фоне большой истории. Если же говорить о людях, то таких главных героев здесь два: дядя Маурисий, который доживает свой век в доме престарелых и рассказывает племяннику Минелю о событиях давно минувших дней, и сам Минель, который как раз и приезжает поужинать в свой бывший дом. Это роман о революционном духе молодости и об ошибках, за которые всегда придется расплачиваться. Если не тебе самому, то твоим близким.

«Вне всякого сомнения, в своих рассказах о семье дядя Маурисий вставал на сторону матери, беглянки, хотя тетя Карлота ответила флибустьеру согласием за восемь или девять лет до рождения сына, и ничто не предвещало того, что однажды ему придется отправиться жить в дом Женсана, где его усыновит бабушка Амелия, которая стала мне матерью, хотя была всего лишь на пятнадцать лет меня старше. Свою родную мать я помню только по портрету, висевшему у лестницы. (Легкое газовое платье

и небесного цвета глаза, тайная сила в устремленном вдаль взгляде и не предназначенная для публикации книга брата в нежной, прозрачной руке.) В семье мою мать все звали тетей Карлотой, а в Истории она осталась как Карлота Любимая, хотя никто, кроме меня и бабушки Амелии, ее особенно не жаловал: у всех Женса́на такой британский темперамент, что они не умеют выставлять напоказ свои чувства, как бы те ни были сильны».

ЮЛИЯ ЯНОВЛЕВА, «БРЕТЁР», «ТАИНСТВЕННАЯ НЕВЕСТА» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Новая серия ретродетективов о юном гусаре Мурине, участнике войны 1812 года.

В первой книге Мурин после ранения приезжает в Петербург в отпуск. Общество бурлит, контраст между войной и столичной жизнью разителен. Ветераны глушат чувства картами и алкоголем. Мурин близок к тому, чтобы вернуться в армию, несмотря на хромоту, но вдруг узнает о том, что его сослуживец Прошин арестован по обвинению в убийстве. Сам Прошин ничего не помнит, но предполагает, что мог в беспамятстве что-то сотворить.

Действие романа «Таинственная невеста» разворачивается уже после окончания войны. Мурин возвращается в свое имение и обнаруживает, что оно разрушено и сожжено. Провинциальное общество возбуждено — оно видит в Мурине «жениха» и обсуждает свои новости: помещица Юхнова померла при странных обстоятельствах. Мурин решает повнимательней присмотреться к этой смерти, а заодно к семье покойной помещицы, где у всех есть мотив. Трое взрослых детей Юхновой отчаянно нуждались в деньгах. Но подозрительней всех выглядит жена младшего сына, погибшего под Бородином. Та ли она, за кого себя выдает?

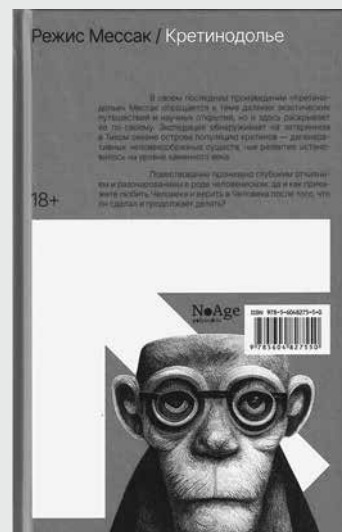
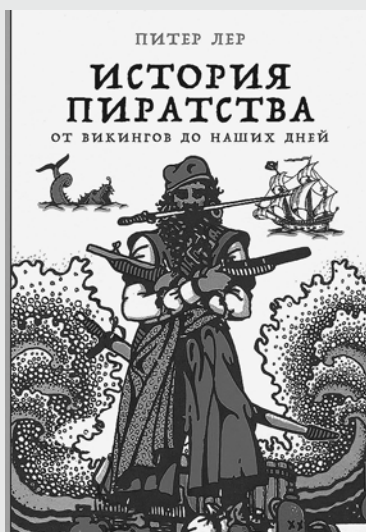

Яковлева здесь, как обычно, блестящий стилист и прекрасный мастер сюжета, всем любителям исторических детективов весьма рекомендовано.

«Был тот час дня, когда на прогулку выходит tout le Pétersbourg. Мурин глядел во все глаза. На шляпы мужчин. На капоры дам, завязанные под подбородками лентами. На шали, на ридикюли, на панталоны, на куртки, на спенсеры. На киоски. На цельные окна, за которыми был выставлен товар. На улыбки. На собачек. На мальчишку, который перебежал мостовую, удерживая на голове поднос, накрытый одеялом, из-под которого выбивался запах сдобы. Мурина изумляло их будничное благополучие. Наверное, кто-то из этих людей был тревожен или несчастлив. Но даже и несчастливы они, казалось ему, были как-то иначе: не так, как те, на войне. Сама мера несчастий у этих людей на Невском проспекте казалась понятной, постижимой. Мурину захотелось поскорее стать одним из них. Отпуска ему дали две недели. Не хотелось расплескать ни капли».

ПИТЕР ЛЕР, «ИСТОРИЯ ПИРАТСТВА: ОТ ВИНИНГОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

Один из крупнейших мировых специалистов по безопасности на море Питер Лер говорит о пиратстве как о большом бизнесе и рассказывает, как этот бизнес менялся с течением столетий. Автор замечает, что в обществе существует романтизированное представление о пиратах, почерпнутое в основном из романов Стивенсона или фильма о Джоне Воробье, но тиражируемый типаж лихих смельчанов весьма далек от реальности. Пиратство не теряет своей актуальности и по сей день: то, что происходит в нейтральных водах, поражает сильнее любого голливудского боевика. Лер задается вопросом, что побуждало людей становиться пиратами раньше и что побуждает сейчас. Изменились ли эти причины?

Что значит быть пиратом? Чем пират отличается от напера и приватира? Можно ли описать «типичную карьеру пирата»? И наконец, можно ли уйти из пиратства? Проследивая историю этого явления с периода Средневековья до начала третьего тысячелетия, ученый рассматривает деградацию пиратства эпохи глобализма. Но можно ли его победить полностью? Ответ на этот вопрос не так очевиден, однако исследователь объясняет, при каких условиях это станет возможным.

«Хотя должностные обязанности вице-губернатора включали в себя борьбу с пиратством, Морган предпочитал игнорировать эти инструкции и выдавать каперские лицензии всем, кто мог за них заплатить, — весьма прибыльный бизнес. Интересно, что Морган даже пытался заткнуть рты своим многочисленным критикам, называвшим его коррумпированным и кровожадным пиратом, и возбудил дело против издателей очень популярной и широко известной в ту пору книги Эксвемелина о буканьерах Америки. В итоге Морган получил 200 фунтов компенсации и обещание опубликовать опровержение, впрочем оставшееся не выполненным. Как бы то ни было, в качестве охотника на пиратов он скорее имитировал деятельность: в конце концов, попустительствовать им было куда прибыльнее, чем убивать курицу, несущую золотые яйца».

РЕЖИС МЕССАК, «ИЕСИНАНЕПСИ»/«КРЕТИНОДОЛЬЕ» (POLYANDRIA NO AGE)

Романы, которые претендуют на звание победителя в конкурсе на самое странное название наряду с названием книги Хуана Филлоя «Оп Олооп». Впрочем, все три вышли в одном издательстве, первые два и вовсе под одной обложкой, поэтому пальма первенства в любом случае у «Поляндрии». Автор «Иесинанепси» и «Кретинодолья» — французский

прозаин, поэт и эссеист Режи́с Месса́н, родившийся на излете девятнадцатого столетия и умерший в 1945 году в концлагере Гросс-Розен (нудя был отправлен за участие в Сопротивлении). Роман «Иесина-непси» прониннут разочарованием в человеке и гуманизме: как можно верить в человека после того, что он творит? Этот текст построен как личный дневник молодого гувернера, рассказывающий нам альтернативную историю периода между двумя мировыми войнами. Гувернер Жерар Дюморье воспитывает двоих юных лордов, одному из которых по состоянию здоровья показан отдых в горной местности. Приехав в горы, мальчики вместе с Жераром и несколькими другими детьми идут в долгую прогулку к местной достопримечательности — пещере с несколькими залами. А во время их прогулки в мире случается техногенная катастрофа, и теперь этим детям, по всей видимости, предстоит сотворить новое человечество. Но все, конечно, не так-то просто.

«Нретинодолье» — последний роман Мессана — рассказывает об экспедиции к острову в Тихом океане, на котором обнаруживается популяция «кретинов», дегенеративных человекоподобных существ. Наказалось бы, когда группа ученых находит существ, находящихся на более низкой ступени развития, они могут попытаться их развить, поднять на более высокую ступень. Но не у Режи́са Мессана: у него возможен только обратный процесс — дегенерации и гибели исследователей. Это роман об эволюции, прогрессе и его связи со счастьем, о цивилизационных устремлениях и человеческих слабостях.

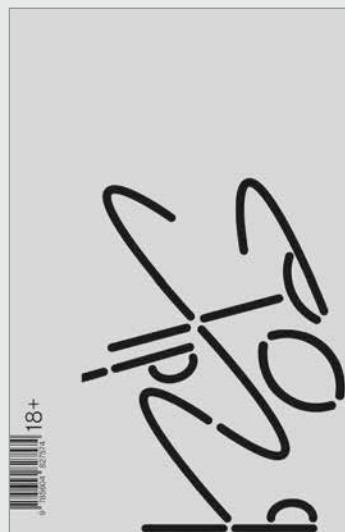
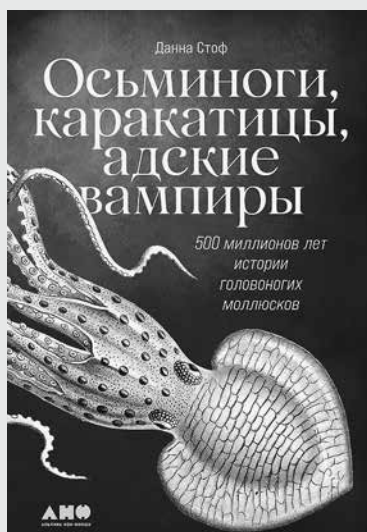
«Я встал с ощущением, будто все мои связки растянуты, а суставы вывихнуты, затем одолел метров тридцать, которые отделяли меня от входа. Казалось, перед нашим каменным альковом колышется желтоватый, в серых полосах занавес. Я побоялся к нему подойти. Но сквозь эту завесу просачивалось нечто похожее на свет. Свет грязный, как тот, что можно заметить в лондонском тумане, мутный, точно гороховая похлебка, но все же свет. Через эту туманность до меня все еще доносились громовые раскаты, но теперь, несомненно, это грохотал обыкновенный гром.

Мне хватило сил почти твердым шагом вернуться в глубь пещеры».

ДАННА СТОФ, «ОСЬМИНОГИ, НАРАНАТИЦЫ, АДСКИЕ ВАМПИРЫ. 500 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ ИСТОРИИ ГОЛОВОНОГИХ МОЛЛЮСНОВ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

Разочарую любителей «Сумерек» и «Ван Хельсинга», сделавших стойку на адских вампиров, — это другое. Морской биолог Данна Стоф исследует эволюцию морских беспозвоночных — головоногих моллюсков. Знают о них, как правило, очень немного, а тем временем история у них такая, что во время чтения даже где-то завидуешь насыщенности их жизни. Появившись на заре многоклеточной жизни, они достигли господствующего положения в морях (среди них были самые крупные существа, живущие на Земле), потом пережили несколько вымираний, в одном из которых погибли 96 % морских обитателей, но оставшиеся не просто выжили, но эволюционировали в таких сложно организованных существ, как наранатицы и осьминоги.

Эта книга посвящена золотому веку головоногих, когда они были повелителями морей. Их история насчитывает 500 миллионов лет (для сравнения, история динозавров — 230 миллионов), и за это время они многому научились. Нальмары, например, плавают вдвое быстрее олимпий-

ских чемпионов и молниеносно выбрасывают щупальца, отращивают на них светящиеся приманки и мгновенно меняют цвет и внешний вид. Раковина современного наutilus в разрезе выглядит как логарифмическая спираль, и это поставило их на грань исчезновения, но сейчас торговля ими строго контролируется. Генетический код осьминогов настолько уникален, что некоторые ученые считали его инопланетянином. Данна Стоф настолько увлечена головоногими, что кажется, знает о них все. Она равно восхищенно рассказывает и о гигантских кальмарах, и о крошечных амmonoидах, и это не может не увлечь. Сложно иногда будет, скучно — точно нет.

«Пока крупные и мелкие головоногие распространялись по океанам ордовика, занимаясь охотой, фильтрацией или сбором падали (а может быть, всем сразу), побочная и неприметная ветвь развития под названием позвоночные породила первых настоящих рыб. У них были плавники, хвосты и жабры, у них даже были черепа, правда без челюстей. Они поглощали любую пищу, которую не нужно было кусать и жевать, а потому почти наверняка не представляли никакой угрозы для головоногих. Затем, в следующем, силурийском, периоде, эти необычные, обладающие костным скелетом существа породили нечто по-настоящему опасное. Для того чтобы поймать и съесть добычу, челюсти подходили так же хорошо, как и клювы. Челюстями можно было даже проткнуть или раздавить раковину головоногого».

МАРИНА НОЧАН, «ХОРЕЯ» (POLYANDRIA NO AGE)

Дебютный роман Марины Ночан автофикционален. Ее отец был радиобиологом и работал с чернобыльской почвой после аварии. Через восемь лет после его смерти беременная дочь узнает о том, что у отца было редкое генетическое заболевание — хорея Гентингтона. Это медленно

прогрессирующее нейродегенеративное заболевание, которое может проявиться внезапно в любом возрасте. Правда обрушивается на героиню паникой: не являются ли носителями заболевания и они с неродившимся пока сыном? Тревога будет настолько плотно сжимать свое кольцо, что слабонервным и склонным к ипохондрии, пожалуй, стоит избегать этого текста, но на генетический тест героиня решится уже после родов. Это роман о семейных тайнах, ответственности за своих детей и принятии болезни близкого. Это роман о беззащитности и уязвимости молодых матерей и тех мелочах, из которых складывается наша повседневная жизнь, о чувстве вины перед родителями и отчаянной надежде на то, что нас — «не зацепило». Это роман о том, как не дать тревоге сломать твою жизнь и жизнь близких, как попытаться научиться быть счастливым вопреки чему-то. Марина Ночан использует прием рваного, сначущего письма — и это становится параллелью к описанию симптоматики той самой хорей, или пляски Святого Витта. Тревожно, тяжело, но очень искренне.

«Теперь время для меня было цельным массивом, оно не измерялось минутами, я не торопилась, не бежала, не ехала. Время стало похоже на бесцельную прогулку, когда нет точек А и Б, когда просто шатаешься по городу, глазеешь на горящие окна и витрины кафе. Я нюхала почки и первые побеги зелени. Впервые увидела, как растет еще не развернувшийся папоротник: на кончиках длинных полупрозрачных стеблей ютятся крошечный зеленый кулачок-улитка. В книжке “Яблочки-пятки” с разными потешками и присказками был такой стишок: “Кулачок-улитка, отвори калитку. Дай с ладошкой подружусь и за пальчик подержусь”. Мне стало понятно сравнение листьев с человеческими ладонями: с приходом в мою жизнь ребенка природа стала казаться мне более антропоморфной».

ЕСПЕР ВУН-СУН, «ДРУГАЯ ВЕТЬ» («ФОЛИАНТ»)

Действие романа датского писателя Еспера Вун-Суна начинается на заре XX века в Нопенгагене. Сюда на потеху публике привозят в цирк «Тиволи» китайцев из Гонконга, Шанхая и Нантона. Один из них, Сань Вун Сун, решился на это унижительное путешествие, пройдя через личный и семейный крах. «Другая ветвь» — это роман, в основе которого лежит категория «другого», он фиксирует особенности восприятия тех, кто не похож на тебя. Датчане развлекаются, глядя на китайцев, китайцы точно так же дивятся датчанам с их бледной розовой кожей и большими носами, а главное — с их речью, которую «слух Саня даже не воспринимает как язык. Будто звуки не выговариваются, а просто вылетают изо рта, как когда плюешь, хлюпаешь носом, пукаешь или дышишь». Но в этих унижительных условиях Сань, кажется, максимально приближается к тому, что не смог реализовать на родине: в парке «Тиволи» он изображает художника. Именно в этом парке он встречается датчанке Ингеборг Даниэльсен — совсем «другую», ощущающую себя чуждой среди своих, и между молодыми людьми возникает взаимное чувство. И это окончательно делает их изгоями. Герои делают выбор, смелость которого довольно трудно оценить из настоящего. Выбор, который предопределяет не только их дальнейшую судьбу, но и судьбу их потомков.

«— Вы знаете, что если выйдете замуж за китайца, то лишитесь гражданства?»

Чиновник удерживает взгляд Ингеборг. Она кивает.

— Вы — то, что представляет собой ваш муж. А он — никто.

— Как это — никто? — спрашивает она.

До Ингеборг доносится отдаленный вопль, вероятно, какого-то пьяницы из тюремного здания. Чиновник вздыхает, то ли нетерпеливо, то ли разочарованно, и теперь его голос звучит угрожающе.

— Никто значит, что я хоть сейчас могу плюнуть вам в лицо, как плюю на улицу там, внизу.

Ингеборг переводит взгляд на улицу под окном, словно эта сцена сейчас разыгрывается именно там.

— Где мне подписать?»

АВАЛОН НУОВО, ДЭВИД ДОРАН, «ОРКЕСТР» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Детская книга, открывающая будущим музыкантам (или просто интересующимся) мир симфонической музыки. Авторы этой книги рассказывают (и показывают, иллюстрации Дэвида Дорана невероятно красивы), как устроен оркестр и на какие группы делятся музыкальные инструменты: что входит в струнную смычковую, деревянную духовую, ударную и другие группы. Учат читать ноты и объясняют, как рождается и записывается музыка, что такое акустика зала и почему она очень важна. Вторая часть книги посвящена знаменитым музыкантам и их шедеврам: Хильдегарде Бингенской, Антонио Вивальди, Дюку Эллингтону и Густаву Холсту. Третий раздел посвящен связи музыки с мифологией, особенностям музыки для кино и театра, опере и оркестру.

«По мнению большинства специалистов по акустике, лучшим в мире качеством звука обладает концертный зал Венской филармонии в Австрии. Его спроектировал датский архитектор Теофиль Хансен, а строительство было завершено в 1870 году.

Сегодня ученые и архитекторы знают об акустике почти все и с помощью математических формул могут вычислить, как звук будет распространяться внутри концертного зала, пока тот еще не возведен. Однако во времена проектирования Венской филармонии исследований по акустике не проводилось. Блестящей акустикой зал обязан исключительно Хансену с его точным пониманием того, как работает звук. Форма и пропорции Большого зала, его лож и скульптур отражают звук таким образом, что музыка звучит поистине невероятно».

СЕСИЛЬ АЛИНС, БАРРУ, «ПЕЩЕРА ТАНЦУЮЩИХ ЗВЕРЕЙ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

В серии «Истории, вдохновленные шедеврами», вышла книга «Пещера танцующих зверей» о племени древних людей. У малышки Флин есть старший брат Тайм, который несколько лет назад обморозил руку, и один из пальцев потерял подвижность. Для охотника это серьезная травма, он держится наособицу и чувствует себя неполноценным. Девочка жалеет брата и не знает, как ему помочь, но однажды идет за ним и обнаруживает, что Тайм рисует в пещере волшебные картинки: изображения зверей, сцены охоты. Они как живые, Флин нажется, что все они танцуют. Книга не только рассказывает детям о наскальной живописи, но и объясняет, как важно в жизни найти свое призвание.

«Я беру факел и иду вглубь пещеры. Моя рука взлетает, освещая стены. На них всюду танцуют животные, рассказывая свои истории. Сова вращает головой с круглыми глазами. Стадо носорогов несется по равнине. Рога торчком, дым валит из ноздрей! Львы молчаливы.

Маленький мамонтонок дрожит на слишком длинных ножках. А этот бизон, его тень кажется огромной! Я слышу его! Все его восемь ног скачут, он убегает, стуча копытами!

— Знаешь, — шепчет мой брат, — когда я замирал на охоте, это потому, что я смотрел. Этот мир жил во мне».

МАРИ ШАРТР, «ПУСТЬ БУДЕТ ГРОЗА» («КОМПАСГИД»)

«Пусть будет гроза» — роман воспитания, книга о взрослении и границах нормы. Это снова книга о «другом» — и об отношениях между людьми, и о *другом* себе, который выстраивает границы с миром. Шестнадцатилетний Мозес в глубокой депрессии: после автотрагедии он хромот, а еще у него миллион подростковых проблем от прыщей до ссор в семье. Однажды утром по дороге в лицей его сбивает с ног незнакомот парень, который оказывается новеньким в их классе. Это индеец Ратсо, и ему не понаслышке известно, что такое быть *другим*. Мальчики знакомятся, и в процессе разговора каждый из них понимает, что обрел друга, в котором так нуждался. Ратсо приглашает Мозеса в путешествие к себе на родину — в резервацию Пайн-Ридж, отпраздновать день рождения его сестры.

Важная подростковая книга о смысле жизни, принятии и обретении счастья.

«Ратсо даже отвечать ему не стал. Из гордости, ясное дело. Он сам пошел за пылесосом, губкой и мыльной водой. Меня не оставляло удивительное ощущение, что Ратсо ведет себя так, будто он один в целом мире, а в плохие дни вообще один против всех. Мне казалось даже, что он сам не видит большой разницы между тем и этим: один во всем мире или один против всех. Похоже, на его долю выпало немало невзгод. Крупное сгорб-

ленно тело было всегда немного наклонено вперед, как будто ему приходилось вечно противостоять невидимой встречной силе, давать отпор ветрам, дующим прямо в лицо».

ЕВА НЕМЕШ, «БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ, ЧЁРНЫЙ СЛОН»
(«НОМПАСГИД»)

Леле тринадцать лет, когда папа дарит ей судовой журнал и объясняет, что такой обязательно есть у каждого капитана: в него записывается все самое важное, происходящее во время рейса. Вместе с подарком папа напутствует дочь, что человеку очень важно быть капитаном собственной жизни. С этого момента Леля заводит дневник, который будет вести сто дней. Третью года, за которую девочка теряет друга и находит нового, а еще подобно морскому судну совершает настоящее путешествие с несколькими остановками по пути: из приморского Алесина в Апатиты за Полярный круг и далее в Санкт-Петербург. Сто дней — большой срок, когда тебе тринадцать. А события бытовые, домашние, зачастую не менее важны и волнующи, чем восхождение на вулкан или лабиринт Минотавра.

«Папа вернулся, как и обещал, — ночью. Долго разговаривал с Галей, она опять плакала. Я спала на диване, а он — на раскладушке. Про себя и про Инну папа ничего не рассказывал. Спросил, как школа, и еще сказал, что если у меня здесь есть подружки, то после школы лучше пойти к ним и побыть там до вечера, потому что бабушке надо сделать уборку и подготовиться к возвращению деда Вали. Потом папа сказал, что вечером мне нужно собрать вещи, потому что завтра мы уезжаем. Но не в Алесино, а в Питер. Там нас будет ждать мама. Из Питера она заберет меня к себе, а папа вернется сюда и до конца отпуска будет помогать бабушке ухаживать за Валей. Потом он вернется в море.

Больше ни слова. Нет, папа не заснул. Просто прекратил говорить. Я молчала тоже. На стене шуршали часы, в ушах билось сердце».

